

Стихи и проза лауреатов конкурса литературного мастерства «Твой текст»

Валентина Яблонская, г. Северодвинск

Что такое Родина...

Что такое Родина? Россия —
Это сердцу милый уголок.
И даёт мне жизненные силы,
Чистоты и свежести глоток.

Мамины глаза, улыбка, руки,
Тонкая рябина у крыльца.
Первые потери и разлуки,
И поддержка добрая отца.

Бабушкины нежные объятия,
Тёплое, парное молоко,
Это радость и минуты счастья,
Близко от меня и далеко.

Верные друзья, родные лица,
И ромашек белые поля.
Красота мне часто эта снится,
Родина — любимая земля.

Цвет черёмухи и запах мёда,
И хрустальный звон колоколов.
Ратный подвиг твоего народа,
Сохранится в памяти веков.

Что такое Родина? Россия —
Это то, что в сердце я ношу.
Буйство красок и добра стихия,
То чем с детства очень дорожу.

Чем дышит Россия?

Чем дышит Россия?
Душистой смородой,

Бескрайней стихией,
Жарой, непогодой.

Дождями косыми,
Грибами в лукошке,
Ветрами морскими,
И чаем с морошкой.

Заснеженной елью,
Трескучим морозом,
Звенящей капелью,
И белой берёзой.

Добром, тёплым хлебом.
И запахом пряным,
И радугой в небе,
Закатом румяным.

Раскатами грома,
Недюжинной силы.
Рябиной у дома,
Ты дышишь Россией?

Февраль седую бороду...

Февраль седую бороду,
Распустит, пряди спутает.
И белый плащ по городу -
Раскинет и укутает.

И смелая метелица,
Его подруга давняя.
Закружится, застелется,
Завьюжит - своенравная.

Закроет небо тучами,
Девушка многоликая.
Холодная, певучая,
Безудержная, дикая.

Вдыхая грусть скорбящую,
Зима впадёт в уныние.

И сказку уходящую,
Весне оставит в инее.

Лучи подарит нежные,
Сосулек струйки тонкие.
Как слёзы безутешные,
Прощальные и звонкие!
Февраль седую бороду,
Распустит, пряди спутает.
И белый плащ по городу —
Раскинет и укутает.

И смелая метелица,
Его подруга давняя.
Закружится, застелется,
Завьюжит — своенравная.

Закроет небо тучами,
Девушка многоликая.
Холодная, певучая,
Безудержная, дикая.

Вдыхая грусть скорбящую,
Зима впадёт в уныние.
И сказку уходящую,
Весне оставит в инее.

Лучи подарит нежные,
Сосулек струйки тонкие.
Как слёзы безутешные,
Прощальные и звонкие!

Рудная Татьяна, г. Архангельск

Красота Севера

Парад кленовых листьев над землей,
Танцует снова осень вальс прекрасный.
Как тишину люблю я и покой,
И свет небес – такой простой и ясный.

И ветра шум беспечного в лесу,
И гладь озёр, задумчивых и светлых,

И Севера родного красоту,
С теплом дорог и тропочек заветных.

Моя Родина

У Родины моей замены нет.
Куда бы нас судьба не занесла,
Встречаем мы на Севере рассвет,
И песня предрассветная светла.

Открытый сердцу северный простор,
Звонящий тишиною светлый лес
Живут во мне и радуют мой взор,
Приподнимая сердце до небес.

Не выставляют душу напоказ,
И берегут ее бесценный труд.
Без фальши, лжи, пустых, красивых фраз
На северном ветру цветы цветут.

Любимому

Есть уголок, уютный и родной,
В лесу, где берег тихой речки Юрас.
Там сосны дарят радость и покой,
Чтоб к свету вновь моя душа вернулась.

Поет костер, трепещут на ветру
Лесных осинок маленькие листья.
И дождь, и солнце – все в лесу к добру,
И греют сердце нам рябины кисти.

Вновь у костра меня обнимешь ты,
Я улыбнусь, а, может быть, заплачу.
За гранью слов и вечной суеты
Я для тебя, наверно, что-то значу.

Михаил Зиновкин, г. Архангельск

Северная Двина

Я впадаю в Северную Двину, уходя на малую глубину
Между низким небом и топким дном. Образуя с ними одно в одном.
И теку на север, едва-едва огибая острые острова –
Невесомый, быстрый и озорной: знай, плоты подталкивая спиной.

И меня натешит собой сполна, обжигая, Северная Двина:
Разберёт по каплям и по слогам. Я всего себя ей легко отдам.
Бурунами встану в ней на дыбы, пронесусь по руслу моей судьбы –
От истока к устью вдоль зим и лет, на студёных водах оставив след.

В Белом море – белые облака. Станем все мы морем, наверняка.
Но пока ещё по материку вдаль с её течением я теку.
Ведь была ко мне приговорена ледяная Северная Двина.
Дорогая Северная Двина.
За волной волна. И ещё одна...

Зима однажды кончится

Зима однажды кончится, как всё,
К чему б моя рука ни прикасалась,
И нас с тобой друг к другу принесёт,
Как талый лёд к причалу морвокзала.
Столкнёт – до треска в замерших сердцах
(Уже давно совсем заиндевевших).
Мы всё поймём. Но будем отрицать
И счастье, и неверие, и веру.
Поскольку обнадёживаться – грех,
А нам на это хватит просто взгляда,
Чтоб стало так волшебным – падать вверх.
Чтоб стало всё пронзительно нарядным:

И лысый храм, и голые кусты,
И наглухо щербатая дорога.

Зима однажды кончится. А ты
Начнёшься. И меня начнёшь... немного...

Оладьи

На синей наволочке неба
Сверкает пуговица солнца –
Её пришила мама Миши
Взамен оторванной луны.
А жизнь – большой и сложный ребус,
Но ничего не остаётся,
Как разгадать его и выжить.
И выжать в наволочку сны –

Не ведать чтоб ни сном, ни духом,
Что ждёт нас очень-очень скоро,
А небу распахнуть объяття,
Ведь в отражении стекла
Пижама в рыжих винни-пухах.
А за окном – любимый город,
И воскресенье. И оладьи
На завтрак мама испекла.

Сергей Грошев, г. Новодвинск

Моя лесенка

Вверх по лесенке взберусь на небосвод,
И когда поближе будут облака,
На одно из них запрыгну, как на плот,
Оттолкнусь, и поплыву, пока-пока!

Я недолго, полетаю – и вернусь,
Просто неба так маняща синева!
Расставание с землёю – тоже грусть,
Шум листвы, сиянье солнышка, трава...

Погляжу на землю сверху, с высоты,
Хорошо, наверно, птицею летать,
Но внизу там без меня осталась ты,
И пора обратно лестницу искать.

Ну а может быть, я выпаду дождём,
Лёгким, летним, как тогда, на островке,
Укрывались мы вдвоём одним плащом,
Любовались молча рябью на реке...

Дождик кончился, лишь всё смочил слегка,
От сырой травы – пьянящий аромат,
Коромыслом в небе радуга-дуга,
Время-времечко, вернуть бы всё назад...

*****

За окном – деревья голые стоят,
А в глазах – опять то лето, как в бреду...
Чудо-лесенка, верни меня в тот сад,
Или, ладно... я по радуге сойду...

Старые дома

Как вы живучи, старые дома,
Прогнулась крыша, двери с петель сбиты,
Но лучше не входить, сойдёшь с ума –
Незримо следом привидений свита.

Растащено, как антиквариат,
Старьё, что было дорого кому-то,
И жалобно в ночи полы скрипят,
И затихают только лишь под утро.

Уже давным-давно хозяев нет,
Их имена никто уже не помнит,
Но фото за карнизом на стене
Хранит секреты опустевших комнат.

Идёшь с опаской мимо – дрожь берёт,
Проёмы окон смотрят жутким взглядом,
Что там внутри, не знаешь наперёд,
Не дай Бог ночью оказаться рядом...

В глубинах дома – странные огни...
Я просто мимо, не побеспокою,
И в черноту проёмов не мани,
И не ходи, прошу тебя, за мною...

У природы нет уже терпенья...

У природы нет плохой погоды,
Но тревожит всё сильнее нас

Тягостное чувство – у природы
Кончился терпения запас.

Тают ледники, мелеют реки,
И порою кажется – вот-вот,
И Земля породу человека
Как собака воду, отряхнёт...

Неужели сможет? – нет сомненья –
Нашей космонавтике респект –
Развернёт в короткие мгновенья
Землю Джанибекова эффект...

Заявляют в умных институтах –
Мол, влиянье наше – ерунда,
Что прогресс – да, несомненно, круто,
Что у нас в запасе, мол, года...

Может быть, и так, расчёт калорий
Нам не предвещает катастроф,
Но помимо этих всех теорий
Мы немало наломали дров.

Мы забыли, что планета эта
Вместе с нами дышит и живёт,
Радуетя солнечному свету,
Птицами рассветными поёт...

Лишь любовь – космическое чувство
К речке, лесу, небу, облакам –

Это то волшебное искусство,
Что спасти весь мир поможет нам!

Лариса Гладина, г. Северодвинск

О городе

Да, я пишу о городе,
О маленьком северном городе,
О безысходном холоде,
Что душу сковал и сердце.

Да, я пишу об улицах,
О лицах, которые хмурятся,
О кошках, которые жмурятся
Во сне, желая согреться.

Да, я пишу о детскости,
О вечной смешной нелепости,
Как будто я заперта в крепости,
И мне никуда не деться.

Немного пишу о дерзости,
О взрослой пустой незрелости,
Что в тридесятой местности.
И о людском лицедействе.

Затем я пишу о мудрости,
А после, конечно, о глупости.
О да, о чужой о глупости,
Но о своей интересней.

Да, это всё о родине,
О строгой, суровой родине,
О маленьком северном городе,
Где всё же слагают песни.

Холод лета

И вроде бы в городе лето -
Деревья и травы в цвету.
Но холод, как злая собака,
Нервозно бежит поутру.

Заглядывает под заборы,
Скребётся в чужие дома
И скалится будто, и воет,
Не лето пришло к нам - зима!

И вот, словно глупый ребёнок,
Надеясь на чьё - то тепло,
Я дверь в своём доме открою,
И холод ворвётся в него.

И я растеряюсь, наверно,
Останусь стоять у дверей,
А холод закружит, захнычет,
Уляжется между щелей

И станет похож на печали,
Коварный, он снова внутри...
И как я ни кутаюсь в шали,
Тепла мне нигде не найти.

А что останется, когда...

А что останется от нас,
Когда мы с миром будем в ссоре,
Останется одно лишь горе
Или надежда про запас?

А что останется, когда
Мы всех знакомых растеряем,
Когда друг друга не узнаем,
Что с нами станется тогда?

А что осталось от меня?
Стихи пустые да желанья,

Чужие встречи, расставанья
И запахи бывшего дня,
Забывшие слова, печали
И чайки, что весной кричали:
"Смотри, мы здесь, мы не пропали!
А что осталось от тебя?"

Надежда Кубенская, г. Архангельск

Рождественская ночь

Рождественская ночь накрыла все пределы,
А город спит еще, снега и тишина...
Но свечи зажжены, и поступью несмелой
Шагает тихо свет в озябшие дома.

Несет благая весть успокоенье миру,
И катится рекой благоговенья сон.
Пролей же нам Добра, и праведную лиру
Благослови на жизнь и на победный звон.

Надежду не унять, и Вера все крепчает,
Так подскажи, Господь, как не упасть с моста.
Любовь бы нам познать - и лед на сердце стает,
Ведь с высоты небес глядят глаза Христа.

Февраль

Стоял заснеженный февраль,
Седой и ломкий.
Вчера, истошная с утра,
Мела поземка.

А ветер пел по проводам -
По струнам гулким...
И рокот бредил по дворам
И переулкам.

Казалось, вдруг сама зима
В окно стучится?
Но в доме ладно от тепла,
И сладко спится.

Букет поэтам

Я благодарна почерку поэтов,
Что след оставили в моей судьбе,
И нитями стихов, витых сонетов,
Живут во мне по вотуму небес.
Любимый Пушкин - легкость в нем и сила,
Неведомое таинство чудес...
Витиеватый вензель, точность смысла
И вековой народности замес.
Вот проскакал Есенин гулкой ранью
На розовом коне уснувших грез...
Певец полей. И трав медово- пряных,
И белоствольных в золоте берез.
Вдруг появилась глыба - Маяковский.
Поэт-трибун, и планов громадье.
Тасует строчки мой кумир московский,
Точеных рифм ментальное ружье...
Оцепененья миг, и вижу ясно
Мерцанье звезд в доверчивой ночи.
Цветаевский костер пылает страстным
Живым огнем от пламени свечи.
Молю, чтоб свет и милосердье Бога
Не покидали брэнность бытия
И путь, где у небесного порога
С Ахматовой когда-то встречусь я.
Мне Муза слов милее блеска злата
Пусть сотни роз цветут в душе моей.
Навеки ей, воистину крылатой,
Служить готова до скончанья дней.

Сергей Гончаров, г. Архангельск

Санька

По рассказу Ф.А. Абрамова
«Деревянные кони»

– Здравствуй, мама, вот я и вернулась,
Ты прости, что всё так обернулось.
Папка наш – до войны ужо сгинул,
А меня только ныне – господь мой покинул.

Как не тяжко на запане было,
Надрываясь, рвала свои жилы,
Понимала, что всё для победы,
А вокруг, то беда, то наветы.

О какой любви, скажи речь,
Кому в лес, а кому на печь,
Кто весь день на реке с багром,
А кто в избе сидит с пером.

Все вокруг: «Давай, для страны,
Ваши руки нам так нужны»,
И сбиваешь весь день плоты,
А тебя норовят – в кусты.

Вся промокнешь, уже знобит,
А он сытый в упор глядит,
И так гаденько: «Как дела,
Свою норму сполна дала?»

И рыгочет, рыгая сыто,
А те – порцию, как сквозь сито.
Я терпела, уж сколь могла,
И добром ему б – не дала.

Ты прости меня, мама, прости,
Не могла я себя соблюсти.
Здесь закона – нема, здесь – беда,
И на фронте мои братья.

Как с позором таким мне жить,
А от баб, мол: «Кого винить,
Ну, помял тебя, обрюхатил,
Так добром же хотел поладить.

Надо было по-умному дать,
Не пришлось бы затем страдать».
И вот пухну я, как на дрожжах,
А начальничек – не при делах.

Я к тебе, как на Страшный Суд,
Не брани меня, не обессудь.
Мне сейчас чрез порог взойти,
Как свой грех в избу привнести.

Я уж тут, побитой собакой,
Поскулю, повою, однако,
Говорят, солнца лик осквернишь,
Обреченная, коль узришь.

Вот сапожки тебе, моя мама,
Ты носи их, не бойся срама,
Не с покойницы ведь сымашь,
А не хошь, так сестре отдашь.

Ну, а ватничек, и платок,
Я сложу на гумне в рядок,
А себе возьму поясок,
Дома тканый, чтоб мне помог...
.....

– Ой, всю ночку-то, не спалось,
На дворе уже изморось,
А за дверью, вроде кто-то дышит,
Я вставала, звала – не слышит.

Тишина и такая жуть,
Всю колдобит, и не заснуть,
Будто муж, самострельщик, пришёл,
А в грудях: и тоска, и боль.

Я ж одна в этом старом доме,
Всё привычно, а как в полоне,
То завоет в трубе ветряк,
То раздастся какой-то бряк.

А на утро, гляжу – снежок,
Ну и вышла я на порог,
А на ём – её сапоги,
и босые к гумну следы.

Прибежала – а что, чем поможешь,
Перережешь верёвку, укроешь,

И завоешь в трясучке отчаянья
Неприкаянно, так неприкаянно...

Никого я к ней не пустила,
Её тело сама обмыла,
И сама же в гроб опустила,
И простила ей, всё – простила...

Крестом да огнём

По рассказу Ф.А. Абрамова
«Из колена Аввакумова»

Против злой молвы вовек,
Не отгородишься...
Раз виновной объявили,
Не отмолишься.
Раз господь велел терпеть – так терпи,
Шуганули раз тебя – стал быть, вынеси.

А Иван-то мой, прямо смолоду,
В ненавидности у народа-то.
Он как маленький совсем, с печи рухнувший,
Стал икотой им грозить не подумавши.

Слово сказано ужо, слово пущено,
И беда явилась в дом – неменучая,
Прилипилась к нам она тяжкой кручею,
По над яром гонит нас, злою тучею,

Вот как к бесом-то взывать, надо ж думати.

Вместо чтоб острастки дать, так затюкали.
За похвас его дурной, да по слабости,
Жернов каменный теперь нам до старости.

У кого гляди падёшь, ан ина беда
То про-то за сё на нас, впредь лежит вина.
А в то лето, как на зло, моровой пошёл,
Так у каждого почай, накопилось зло.

С пожни все уже давно по домам пришли,
Моего ж нет одного – хош не хош, ищи.
Я ж Матрёною тогда лишь разродилась,
Молока ещё в грудях, да не открылось.

Запрягла скорей кобылу и навстречу,
Мужика вот только вишь, не привечу.
А у самого леску – грают вороны,
По над свежею такой, кучей хворосту.

Подошла, а там гляжу – мой мужик лежит,
Прямо намертво совсем – видно, что забит.
На колени пала я – молитву Господу
Вознесла и заблажила до ропота.

Ты Адама-человека, сотворил еси,
Не твоё ли я творение, господи.
Не превечный ль твой огонь, да во мне горит,
Силы-мочи ты мне дай, да живым узреть.

И сподобил мя господь, дал всё ж сил.

Стала дуть в его уста – он ожил.
Силой слова господня поднялся.
Слову божьему все мы подвластны.

Человек али зверь, гад ползучий,
Всяк пред словом единым послушен.
Мужика, что зла воля сгубила,
Словом истинным я воскресила.

Возвращаемся обратно мы в деревню,
А на въезде-то, шумят уже гневно,
И ревут всей толпою: «Убить, убить!».
Одолеешь таку – да не в жизнь.

Ой, беда, беда, горе-горькое!
Ты почто всю жизнь меня торкаешь.
Прощевайте же мои, дочки-сиротки,
Батька с мамкою прощай, ждут нас – выродки.

«Тута, вам живот свой класть», – всяк страшат,
Хоть вперёд, хоть наутёк – порешат.
Мне заступа лишь одна – господь бог,
Ежли кто, так только он – всеблагой.

Чудо, господи яви, молю чуда.
В Пустозерии упас, и здесь б не худо.
Не себе моля я тя, во спасение,
Мужа с дочкою моей, от убиения.

И тут глас слышу свыше «Крестом да огнём..
Упасёшься одним, лишь крестом да огнём».
Кнутовище схватила, связала с колом,
Обмакнула в смолу, раздобыться б огнём.

Не упомнить ужо и зажглось что во мне,
Я в рубахе стою, а она в молоке.
Крест, зажатый в руке, вспылал вдруг огнём,
Волей божьей, единой, как андел с мечом.

«На колени пади, словом божьим клянуп,
Не раскаетесь коль, напрочь всех вас пожгуп».
И такая во мне бушевала воистину сила,
Что б, ничто не смогло... и не ос-становило.

Как архандел Михаил в судный день,
Тако я своим крестом несла тлен.
И откуда у меня, что взялось,
Веры истинной зерно проросло.

Пали ироды оземь, пред божьим крестом,
Пред безумьем моим – перед божьим огнём.
«Соломида, прости, бес попутал вельми,
Были мы не правы. Пощади, пощади».

Ан по праву руку – мой андел-хранитель,
А по леву руку – злой бес-искуситель.
По серёдки ж я с крестом – на распутье,

Вся во гневе во людском, будто в струпьях.

Матушка

В горнице моей светло,

Это от ночной звезды.

Матушка возьмёт ведро,

Молча принесёт воды.

Н. Рубцов "В звёздную ночь".

Боже мой, Боже, ах, сыне, мой сыне,

Весточку б только, ну, где же ты ныне?

Сколько годков уж, во след пролетело,

Верую я, но не верует тело.

Щемит сердечко, крутит и сводит,

Ну, как Господь, всё же мне не позволит,

Счастье обрести – убедиться, что сыне,

Жив и здоров, и не сгиб на чужбине.

Тихо в дому, не скрепят половицы,

Сухо во рту, и испить что б водицы,

Нужно самой мне во двор выбираться,

Тяжко – не тяжко, но надо впрягаться...

Тянется день сиротливой повозкой,

Шляхом предвечным, да с млечной извёсткой

Вдаль за звездой, что зовёт всех и манит,

Но никого к себе не подпускает.

И если завтра умру, как и должно,

Будет она высоко и охотно,
Всё соблазнять, нарушая уклады,
Только от жизни иного ведь надо:
Радость участия, взглядов сближенье,
Пиршества духа – уготовленье...
Но, не сбылось, и словно в пустыне,
Господи, Господи, где же ты, Сыне...

Татьяна Москвина, Приморский район Арх. области

Сказка о закрытом сердце

В некотором царстве, в не далеком от нас государстве, жил в селе человек по имени Марк. У него была супруга Ангелина и единственный сын Эдуард. Скажу вам по секрету, что Лина мечтала еще и о девочке, которой заплетала бы косички и шепталась с ней перед сном о чем-то сугубо девичьем, но ее супруг был очень скуп и строг. Раз и навсегда он сказал ей: «Зачем разводить нищету? Довольно нам и одного сына. Вырастет – будет мне помощником». За глаза все называли Марка прижимистым. В разговорах односельчан можно было услышать, что он своего не упустит. Да и чужого не отдаст! Раз в месяц Марк выезжал в город, закупал товар по малой цене и продавал своим землякам по более высокой. С годами он накопил достаточный капитал, чтобы построить двухэтажный дом – крепкий и ладный. Он не вникал в проблемы бедняков и никому не давал спуска, ссуживая деньги под проценты.

Лине было неловко перед соседями за неуступчивость своего супруга. Она занималась домашним хозяйством и содержала в порядке дом. Семья жила обособленно – ни родственников, ни друзей. Еще бы! Мужу они были ни к чему, это же сплошные расходы, ведь пришлось бы тратиться на угощение и подарки. Лина смирилась с затворническим житьем и суровым характером мужа. Она похоронила свою мечту танцевать, петь и веселиться. Лишь по выходным с позволения мужа отправлялась в соседнее село, где при монастыре была церквушка. Там можно было помолиться и в молитве рассказать Богу свои печали. А печалиться было о чем. Единственный сын Эдуард вопреки желанию отца вырос вовсе не хозяйственным. Он жил своей жизнью, горел изнутри каким-то веселым бесшабашным огнем и будто не видел родителей – не замечал ни скупости отца, ни печали матери. Он смотрел сквозь них на красоту влекущего его мира и сочинял песни и стихи.

- В кого он такой уродился?! – возмущался отец, глядя на своего отпрыска, и переводя стрелки на жену. – Это все твоя романтическая порода, будь она не

ладна!

Мать лишь вздыхала в ответ. И вот однажды случилось что-то из ряда вон выходящее. Она вошла к сыну в комнату, которая находилась на верхнем этаже, чтобы позвать к завтраку и пожелать доброго дня, и не обнаружила его на месте, зато увидела на столе записку, написанную твердым красивым почерком. «Дорогие родители, я ухожу из дома искать свою судьбу. Я не хочу жить так, как живете вы, у меня своя дорога. Не ищите меня, я всё равно не вернусь. Ваш непутевый сын». Лина стояла среди комнаты, как громом пораженная. Ее сын... красивый нежный мальчик... Она теперь не сможет обнять его, погладить непослушные волосы, позаботиться о нем. Она со страхом представила, как много испытаний ему предстоит, а в глубине души завидовала сыну, его отчаянной решимости. Она взяла записку и стала спускаться вниз, заранее предчувствуя гнев своего мужа.

А муж разговаривал с посетителем – бедняком Валентином. Раньше они играли вместе, делили все поровну, а теперь взрослая жизнь, и все по-другому.

- Прошу тебя, ссуди мне денег без процентов. Я отдам так быстро, как только смогу.

- Ссужу тебе, и другим повядно будет, - холодно ответил хозяин.

- Марк, вспомни, мы же с тобой дружили в детстве! – воскликнул Валентин в отчаянии.

- Дружба дружбой, а табачок врозь, - хмыкнул Марк и протянул ему пачку денег.

Друг детства поднял глаза и увидел Лину. Ее бледность поразила его. Он хотел было что-то сказать, но не решился и молча вышел из дверей. Лина медленно спустилась к мужу и подала записку. Надо ли говорить, какой разразился скандал?! Марк готов был поколотить свою жену. Но Лина, на удивление, была спокойна. Она не плакала, глаза ее были сухи. «Я одобряю своего сына», - вымолвила она. К утру она собрала небольшой узелок с вещами, и как нищенка, ушла из дома. Ноги сами вели ее туда, куда за всю ее семейную жизнь она протоптала единственную тропинку. Она шла в монастырь.

- Неблагодарные! – кричал в одиночестве Марк и проклинал всех на свете. Он бушевал весь день, а вечером зажег свечи и поставил на стол бутылку крепкого вина. Через пару часов, совершенно опьянев, он уронил хмельную голову на стол и опрокинул подсвечник. Холщевая скатерть загорелась, все вспыхнуло в одно мгновение. Марк очнулся в убогой лачуге Валентина – обожженный, в рваной одежде, без обуви... Друг детства смотрел на него сочувственно. И Марк вдруг увидел свою жизнь, как будто заглянул в глубокий колодец, а там одна муть. Бездна жадности, скупости, бездушия... И он хотел было сказать другу детства какие-то слова, но тот понимающе задел его плечо:

- Ничего, - сказал он. – Все образуется.

С поникшей головой, в чужой обуви и чужой одежде шел Марк по пыльной дороге. «Почему? Почему? Почему?!» - сверлил его мучающий вопрос. Он

хотел задать его самому мудрому человеку, о котором ходили легенды – монаху-отшельнику, живущему на краю лесной чащи. Выслушав исповедь потерявшего все человека, Старец произнес:

- Делиться надо, сын мой.

- Делиться?! – вскричал погорелец. – Так у меня же ничего нет!

- У тебя есть все, что надо. Не хватает только одного – твоего открытого сердца.

Старик улыбнулся, зачерпнул горсть лесных орехов из своей корзины, протянул собеседнику и жестом показал, что разговор окончен. Марк механически сунул орехи в карман и пошел по дороге. «У тебя все есть», – эхом отдавались слова старца. Нет, это непостижимо. Уж не насмехался ли над ним старик?! Так шел он, погружившись в свои мысли, опустив голову, и поднял ее только тогда, когда увидел идущую навстречу женщину с коляской. В коляске сидел мальчик лет десяти. «Такой большой, а мать его везет», – подумал Марк с раздражением. Пройдя еще несколько шагов, он понял, в чем дело: ноги мальчугана были неподвижны. Боже! Так вот о чем говорил отшельник! «У тебя все есть». Есть руки, ноги, голова, ты можешь все начать сначала! Волна раскаяния и сострадания поднялась из глубины его души, и так захотелось что-то дать этому мальчику и его маме! Но что он мог дать? Он еще ничего не наработал, ничего не создал! И тут он вспомнил о горсточке орехов в своем кармане. О такой радости, которую он испытал, отдавая эти орешки, Марк раньше и знать не знал и не догадывался, что она существует.

- Спасибо за вашу щедрость, – сказала женщина, улыбнувшись. – Это для нас настоящее сокровище, ведь мы с сыном не можем сходить в лес. Марк кивнул и быстрым шагом поспешил дальше. В изгибе дороги он упал в траву и долго рыдал – так искренне и открыто, что, наверное, своими слезами растопил весь лед своего сердца. Оно стало жарким, готовым делиться и отдавать. В свое селение он вернулся совсем другим человеком. Явился на пепелище и взялся за дела. Работал не покладая рук и искренне благодарил людей за помощь. А люди, заметив его перемены, с охотой шли на подмогу. Теперь они говорили о нем совсем другие слова:

– Это человек с открытым сердцем. И вот Марк построил новый дом – более скромный и уютный, чем был раньше, и опять вырос его капитал. Теперь он стал активно помогать нуждающимся людям, и не только своим соседям. Бывало, из других селений шли к нему за помощью. Он с легким сердцем отдавал, и к его удивлению, благосостояние его не уменьшалось, а росло. В жизни Марка появилась новая радость – радость дарения. Вслед за радостью пришло и настоящее счастье: вернулся Эдуард из далеких странствий. Он окреп и возмужал, и тоже не мог не заметить, как изменился его отец. Неожиданно для себя самого он выразил готовность стать ему помощником. Вместе они отправились просить Ангелину вернуться домой, и она не отказала им в этом. А как же иначе? У сказки обязательно должен быть хороший конец! Хотя вы можете сказать, что в этой истории нет никакого волшебства, она вполне реалистична. Но волшебство есть – оно в наших

открытых сердцах. И знаете что? Я вам скажу еще один секрет: у Лины скоро родится девочка, а в глазах всех членов семьи уже появилось тихое уютное счастье.

Нина Панина, Холмогорский район Арх. области «Крошка хлеба»

Стараясь никого не разбудить, Нюра тихонько всхлипывала, уткнувшись в подушку. Сегодня тринадцатое, как дотянуть до конца месяца, она не знала. Случилось самое страшное, что могло произойти в страшное военное время, – потеряла карточки. Нюра перебирала в памяти вчерашний день, чтобы понять, как и где выронила. Предположить, что их украли, она не могла. Нет, нет, все свои, все в таком же положении. Карточки лежали в потайном кармане, застёгнутом на булавку. Когда подошла её очередь, она полезла за ними, но их на месте не было. Сзади зашумели, перепуганная насмерть Нюра рылась и рылась в кармане своего старенького пальтишка, недоумевая, куда они могли деться. Потом отошла в сторонку, проверила подкладку, прощупала каждый шов – нет. Не видя дороги от слёз, пошла в общежитие. Там попив кипятка, легла, но уснуть не могла, постоянно думалось о еде. Надо отвлечься, вспомнить что-нибудь хорошее, легче будет. Вдруг выскочила картинка из детства. Вся семья в маленьком домишке за столом, мама печет налистники, тоненькие шанежки на простокваше. Они таяли во рту, хотя были из простой ржаной муки. Мама не успевала положить на стол, как шесть пар рученок тут же хватили налистники, заталкивая горячие прямо в рот. Жили в нужде, но не голодали. Нюре показалась, что она ощутила их вкус во рту. И, измучившись в конец, уснула. Утром опять глотнула кипятка и - на завод, опаздывать по законам военного времени никак нельзя.

Как Нюра доработала до конца смены, как добрела до общежития, не помнит. Ноги, как ватные, перед глазами красные круги, но дошла. А перешагнув порог, стала оседать. Девчонки подхватили, не дали упасть. Стали расспрашивать, что с ней. Нюра сказала про свою беду. Машка хмыкнула: « Как теперь быть? » Старшая по комнате Стеша прикрикнула на неё: « С каждым может случиться. Девки, доставайте свои пайки, у кого, что осталось, делитесь ». А что осталось? Кто-то по дороге в общежитие уже отломил и съел половину. Но вот перед Нюрой на столе маленькие кусочки. Она затолкала их в рот все сразу, подобрал крошки. Провела ладонью по столу и облизала её. Буркнув сквозь слёзы « спасибо », легла, отвернувшись к стенке. Но сна опять не было, живот крутило от голода, несколько крошек не могли его притупить. Нюра ворочалась на кровати, скрипя опустившейся до полу железной сеткой. Стеша буркнула: « Нюрка, спи, хватит уже, всё равно больше ничего нет. Считай баранов что ли ». Каких баранов? А ведь были они бараны – то, пять или шесть овец, и любимица семьи корова, и лошадь. Всё было в большой семье, жившей в далёкой северной деревне Сюме. Не стало

ничего в одночасье. Не стало и самой семьи. Нюре девять лет, она вторая после Кати, вдвоём с сестрой помогают маме управляться с младшими. Все сидели за столом, таская из чугуна горячую картошку, когда открылась дверь морозным утром. На пороге председатель, строгим голосом объявил, что Трофиму Одоеву, признанному середняком, завтра отвести на колхозный скотный двор и лошадь, и корову, и овец. Знал председатель, знал, что Трофим - никакой не середняк, но пришла из района бумага, с которой не поспоришь, иначе сам окажешься там, где боялись оказаться. Поэтому предпочёл захлопнуть быстрее дверь, чтобы не слышать сказанного в сердцах хозяином крепкого слова и воплей хозяйки. Заплакали с перепугу ничего не понимавшие дети, мать прижала их к себе, успокаивая. А что ещё она могла сделать? Утром Трофим, закутив самосад, увёл кормильцев со двора. И всё, почернел с горя, видно, надорвалось что – то внутри мужика, когда уводил своего Карька да корову Зорьку. Ещё не старый совсем, тятя заболел и умер, оставив на руках перепуганной жены кучу ребятишек мал - мала меньше. Через полгода не стало и мамы. Осталось шестеро сирот, троих самых маленьких забрали в детский дом, а старшие, в том числе и Нюра, должны были сами пробиваться. И всё – детство кончилось, пришлось идти в няньки к дальней родне, где за кусок хлеба натерпелась Нюра вдоволь. «Нюрка подай то, Нюрка, сделай это. Не слышишь что ли, тюха, робёнок ревит?» И Нюрка с утра до вечера пыталась угодить, бросаясь выполнить один приказ за другим. Нахлынувшие воспоминания разбередили душу. Не выспавшаяся, опухшая от слёз, с мешками под глазами, Нюра едва стояла у станка. Увидев это и поняв, что до беды недалеко, Стеша не выдержала и в перерыв, волоча за собой упирающуюся Нюру, повела её к Степанычу, которого все боялись на заводе, но шли к нему, потому что только он мог решить очередную проблему. От этого Степаныч был всегда сердитым. Стеша с порога выпалила, что у Нюрки Одоевой беда, карточки потеряла и два дня уж не ела. Степаныч сказал: «Сейчас у нас у всех одна беда. - фашист прёт». Степаныч сердито посмотрел на сжавшуюся в комок Нюрку, буркнул: «Садись». Что толку её распекать, и так вся перепугана, а работают эти девчонки за мужиков. В тысячу раз ему было бы легче на фронте, чем в этом бабьем царстве, заявление лежит в военкомате. А там говорят, что кому – то надо и в тылу работать. Налил Нюре чаю из огромного чайника, достал из ящика стола сухарь, припрятанный на крайний случай. Этот крайний случай происходил постоянно, на заводе ломалось то одно, то другое, и Степаныч сутками здесь пропадал. Нюра пила чай, давясь сухарём, не смея посмотреть на Степаныча, который что – то писал. Перед ней лежало распоряжение о том, что «с сего дня и до конца месяца Одоева Н. прикрепляется к заводской столовой». Нюра всё ещё не верила в своё спасение, пока не оказалась перед ней железная тарелка с похлёбкой и заветный кусок хлеба. Так она и прожила этот страшный месяц. Шёл тысяча девятьсот сорок первый...

Прожила Нюра нелёгкую жизнь, полную лишений и труда, вырастила детей, помогла поднять внучат. Но даже когда не было нужды, а на столе было изобилие блюд, она подбирала с него все крошки до единой и

отправляла их в рот. Дети и внуки ей говорила, чтоб не позорилась. А Нюра им в ответ вековую заповедь: « Сенной трухи да хлебной крохи не бросай никогда». И в который раз по счёту рассказывала, как спасла её хлебная крошка от голодной смерти.

Людмила Гродская, Красноборский район Арх. области

Василёк

Василёк всегда просыпался в хорошем настроении. Каждое утро он знал, что впереди – огромный день, полный важных хлопот и новых открытий. Даже зимой, когда угрюмое, серое небо вваливалось прямо в окно, Василёк помнил, как задорно чирикают на рассвете воробьи, греясь в первых лучах весеннего солнца. Лежал с закрытыми глазами, представляя, как очень скоро засуетятся воробышки в своих гнёздах. Он с улыбкой распахивал глаза, выглядывал из-за занавески полатей, и начинался новый день...

Мама с работы еще не пришла. Бабушка Анна спала долго, дольше всех в доме. Лежала она на спине, что было немного страшно – будто бы неживая. Но рот её иногда шевелился, издавая какие-то слова, обрывочные строчки песен и это успокаивало. Бабушка была старой и часто звала какую-то «смёртушку». Василёк не знал, кто это. «Наверное, это одна из старушек, которые иногда приходят в наш дом, – думал он. – Что же она никак не придёт, ведь бабушка вспоминает о ней каждый день. Хоть бы мама ей сказала, что её ждут...»

Его раздумья прервал скрип снега под катанцами за окном. «Мама!», – обрадовался Василек. Она работала дояркой в колхозе и, уходя на работу утром затемно, прибежала домой румяная и уставшая. Сейчас, зимой, было немного легче. В летнее время доярки после дойки сами по очереди пасли коров, а свободные от пастьбы ходили на сенокос: косили вручную, сгребали сено, метали в копны, затем – в стога. А дома, почти у каждой своя «обрядня»: скотина, огород... Выносливость и стойкость, закалка – этого женщинам не занимать! Вся работа легла на женские плечи. Война! Ничего не поделаешь.

– Сынок, ты проснулся? Полежи еще, а то холодно. Я сейчас печку затоплю... – хлопотала мама, развязывая теплый платок, снимая шубейку у дверей. Сын очень любил утреннее время: медно-жёлтый самовар тонюсенько сипит, в окошечках поддувала красеют угольки, пузатый чайничек на конфорке. То, как привычно мать суетится по дому, убаюкивало его, наполняло радостным спокойствием и счастьем.

Зима в этом году выдалась снежной – метели запорошили дома снегом до самых крыш, и по улицам можно проехать на санях только по накатанному узкому промежутку между сугробами. Если лошадь оступалась с наезженной дороги в сторону то, как правило, она не могла сама вытащить сани. И её надо было выпрягать, выводить на дорогу, а затем как-то вытаскивать сани.

Иногда, когда немного теплело, мама разрешала Васильку погулять на улице. И тогда он любовался висящим низко над землей в морозной дымке розово – малиновым солнцем. Дома, деревья - все в малиновом закатном цвете. Кажется, что воздух вокруг розовый и пар изо рта – тоже... М-м-м, мали-на... вкуснотища... Или, когда снег летел и летел с неба, ловил руками рой снежинок, приближал их к глазам, но они быстро таяли...

Ребятня чаще всего сидела по домам. А если собирались вместе на улице, играли «в солдаты». Василька всегда выбирали командиром, потому что он справедливый и не хнычет, хоть и младше иных ребят. А Ванька-сосед чуть что – сопли и слёзы. Его, Василька, никто не дразнил. Не сочиняли про него дразнилок.

Шел третий год войны. Тятюку забрали на фронт в первый месяцы боев. Сын плохо помнил лицо отца, лишь его силуэт, сидящий во главе стола. Василек слышал, как утром в день отправки отец с мамой тихо разговаривали, но разобрать слова было трудно. Он только расслышал: «Василька береги...». «А чего его беречь? – непонятны были ему те отцовы слова. – Вот он я, здесь! Куда делся? Ну, кто поймет этих взрослых!». Ушли мужики, и осиротела как-то, съёжилась деревня: два ряда деревенских изб

тусклыми оконцами понуро смотрят друг на друга. Некому крышу залатать некому и забор подправить. Бабы руки есть бабы руки...

Василёк понимал, что лишнего говорить не нужно, спорить со старшими тоже не стоит. «Буду – не буду» – пора забыть детские капризы. Стыдно было ему плакать, взрослому пятилетнему мужчине. Бабушка про него говорила: « Ну и ха-рах-тер, вот упрямый шельмец! Васюха! ». Она всегда его так называла, когда хотела настрожить, наказать за какую-нибудь провинность. Но проказ становилось все меньше и меньше. «Мужик в доме должен быть!» – рассуждал Василек.

Бабушка Анна часто болела: отказывали ноги, слезились глаза. Вечерами она сидела у окна и долго смотрела невидящим взглядом на холодный закат, пока солнце не пряталось за высокий бугор, за речку, не угасало совсем в северной ночи. Сидела печальная, погружённая в себя, разбитая грустными раздумьями о сыне: писем давно нет. Если и приходили, то короткие, в несколько строк. Вглядывалась в сумрачную даль, словно там могли выплыть неровные строчки родного письма. Бабушка твердила: «Чувствую – жив сыночек...». В деревню всё чаще приходили похоронки. Мама рассказывала бабушке то про одного, то про другого убитого на фронте или пропавшего без вести односельчанина.

Василек вечерами занимался своим делом: обрезком от косы щипал для растопки тонкие лучинки и складывал их аккуратной горкой к печке. А затем тоже припадал к окну: мог часами разглядывать морозные узоры на стекле, звёздное небо. Луна завораживала его своим желтым глазом.... Казалось, что это каравай хлеба плывет в небе: пышный и румяный, сладковатый на вкус. А если луна была неполной – Василек словно бы успевал откусить от нее кусочек....

Мама, выпекая хлеб, смешивала муку с тёртой мороженой картошкой. Осенью в колхозе не успели выкопать весь урожай, и ребята бегали собирать картошку уже после заморозков. Василек не отставал от старших, понемножку, а целый мешок насобирав! И она, замороженная, твёрдая как

камушки, хранилась в холодном коридоре. Постепенно мама всю её перепекла. Да и такого хлебушка ели не досыта! К вечеру начинало урчать в животе, но Василек терпел, не ныл: его позовут, когда незатейливый ужин будет готов. Вареная картошка и кружка еще тёплого молока! Объеденье! Молоко для самого младшего в доме – Василька, да иногда на обеденную кашу. Он часто слышал в доме разговоры матери с бабушкой о продналоге: большую часть удоев нужно сдать, а кроме этого, яйца, мясо, овечью шерсть и многое другое. Тяжело на фронте, да и в тылу нелегко!

Домашнюю корову по кличке Девка мама любя стала называть Экономкой. Корова словно чувствовала всю серьёзность положения: ела любое сено и траву – хоть осока, хоть крапива. Ни одной травинки из кормушки не выкинет. Всё подберёт! Сейчас, в голодное время, она в доме – главная кормилица.

Василёк очнулся от лёгкой дремоты: мама звала завтракать. Изба, освещённая февральским солнцем, казалась праздничной. Ясные солнечные лучи пророчили скорое приближении весны. Весна! Вот сойдёт снег, и тогда можно будет бродить по слежавшейся прошлогодней траве, наблюдать, как из влажной земли неумоимо лезет лебеда, крапива, а за ними и другие травы поспешат. И это вещало о многом: еда! Щи из свежей крапивы и щавеля, а потом, летом – сладкие головки клевера, сочная мякоть дудки.... «Эх!»,- глотнув слюну, Василёк слез с полатей и поспешил одеться.

Мама с Васильком помогли спуститься бабушке Анне с печки, сесть за стол. Позавтракали привычной мучницей с краюшкой хлеба. Бабушка пила чай из блюдца, вытянув трубочкой губы, старательно дула на кипяток, а потом звучно отхлёбывала. Потекли утренние разговоры. Мама рассказывала бабушке последние новости, происходившие в деревне: прибыл уполномоченный, который разносит повестки на лесозаготовки, Нюрке Петинной принесли похоронку на второго сына, совсем одна осталась баба! В колхозе беда: заканчивается сено для скотины...

Послышались шаги на крыльце, брякнуло дверное кольцо. Мама и бабушка переглянулись: столь ранним утром все деревенские заняты домашними делами, значит, идет кто-то чужой. Растерянность и легкий испуг промелькнули в их глазах. «Для почты рано...», – с трепетом, опалённая жаром, прошептала мама.

Пустив в дом клубы морозного воздуха, вошёл мужчина в военной форме.

– Здравствуйте, Анастасия Степановна и Анна Михайловна. Вот повестку из района Анастасии Степановне принес на лесозаготовку... – громогласно сообщил он. Затем, словно запнувшись, уже тише добавил: – На завтра...

Василёк с любопытством начал разглядывать дяденьку солдата: а пуговицы то на шинели блестят.., а петлицы-то, петлицы. И тятка мой такой же ходит! У него ещё медаль есть! И не одна!.. «Ах! – вздрогнул Василёк, только сейчас заметив, что левый рукав шинели как-то неестественно висит. – Руки нет у дядьки-то!».

«Уполномоченный...», – выдохнула мама.

Наблюдения Василька прервал обычно всегда приветливый, а сейчас грозный голос бабушки Анны:

– Если у вас есть закон оставлять слепую старуху и малого мальчонку в нетопленной избе, то забирайте её на лесозаготовки. А если нет, то оставьте!

– Так я-то что, Анна Михайловна, могу сделать? Вот решение...

– Я всё сказала! Закончим разговор! – как отрезала бабушка Анна. Потоптавшись ещё немного у порога, военный ушёл.

Василёк и не помнил, в какое время забрался к маме на колени, крепко обняв за шею.... Только тиканье ходиков на стене и слезинки матери, беззвучно капающие ему на голову, прерывали эту затянувшуюся тишину... «Война. И когда тятка вернётся? Немцы хотят жить в Москве, главном нашем городе. А город, как рассказывала ему мама, – это большая деревня с домами, которые взгромоздились друг на друга и стоят не падая. И ещё там

живёт товарищ Сталин – самый главный наш человек! Этим немцам у себя тесно, что ли? – рассуждал, вздыхая, Василёк. – Зачем дерутся? Почему они все воюют, чего делят? Чего надо-то...?»

Василёк и не подозревал, что самое трудное ещё впереди, что война только слегка задела его своим чёрным крылом. Через два месяца умрет бабушка – не выдержит сердце, разрушаемое томительной тоской по сыну. А через год придёт сообщение об отце - пропал без вести. О нём останутся лишь детские воспоминания: то далёкое утро и последние отцовские слова: «Василька береги...».